

Кирилл Филонов

БЛАГИЕ ВЕСТИ

I

Давно остались одни в большом, добротном доме бабка Дарья семидесяти четырёх лет и её кошка Манька.

Незаметно пролетела жизнь. Вот уже некогда симпатичная, черноволосая, высокая Дарья Ивановна Колобова совсем иссохла, сгорбилась, став ниже ростом, поседела. Она с трудом занималась домашними делами. Утром накормит, напоит курочек, дома нагочется – к обеду сил не остаётся, а ведь нужно ещё и на огород идти. Там лук, морковка да капуста... Пополють надо, полить, подкормить – забот полно! Что ж, пришло время избавляться от хозяйства. Резать скот не решилась, поэтому продала двух коров и двух свиней на мясо. Птицу зарубил сосед – Коля Ерохин. Он и сам был не молод (пятидесятитрёхлетний, с прорывающей сединой на висках), но если брался за дело, то управлялся быстро, по-молодецки. У самой Дарьи рука не поднялась на своих курочек, благодарила она их за яички, всё приговаривала: «От ить, как же расправляться с вами, еси вы мои благодетельницы и помощницы!» Но, как не жалела старушка своих цыпок, зарубить пришлось всех. Курятник почистить некому, да и яйца некуда девать. Самой много-то не надо.

Остался у Колобовой один огород, на который моченьки тоже не хватало, но без дела старушка сидеть не могла. Поработает Дарья на земле, отвлечётся от тяжёлых раздумий – и легче на душе становится.

Роднее ласковой Маруни не осталось у бабки Дарьи никого. Были, конечно, соседи, да сколько их? Десятка два домов с жильцами, прочие стояли с заколоченными окнами. Скворцовы да Ерохины, старик Перегудов, ещё несколько фамилий – вот и все односельчане. Раньше Леднёво было посёлком, а теперь сделали деревней, внесли в список неперспективных сёл. Поговаривали, что жителей вывезут, а дома сожгут. Не стало в Леднёво ни школы, ни детсада, ни клуба, даже здание бывшего сельсовета наполовину развалилось. Магазин да почта – единственные места для связи с внешним миром. На почте давали пенсию, отправляли письма, в магазине собирались старухи что-нибудь обсудить, поделиться друг с другом новостями.

Дарья Ивановна была потомственной сибирячкой. Её бабушку и дедушку привела на Енисей столыпинская реформа. Жили Поликарп Филаретович и Прасковья Ильинична в Рязанской губернии. Когда пошли люди со своими нехитрыми

пожитками на Урал, в Сибирь да в казахские степи, дед Дарья тоже отправился на поиски лучшей жизни. Коллективизацию старикам было тяжело принять, не раз отбирали у них то коров, то свинью. Пришлось вступить в колхоз. Бабушка с дедушкой, мать и отец – все жили в одном доме. Приходили уполномоченные, вытаскивали из погреба картошку, свёклу – добрую половину урожая. Повезло семье: миновала её тюрьма.

Родители Дарья, Иван Поликарпович и Антонина Петровна, умерли рано. Отец вернулся с фронтов Великой Отечественной войны без ног, много пил. Нет, он не стал пропойцей, а день за днём таял, как лёд весной на реке. На здоровье не жаловался, на завалинке всё сидел, вырезал детские игрушки из дерева. Подошёл к нему как-то сосед, а Иван не дышит. Сильно любила его Антонина. Страдала, вспоминала мужа. Но недолго маялась. Лягнула её лошадь на колхозном дворе, проломила грудную клетку. Люди сказали тогда: «Иван с собой забрал! Тяжело ему одному на небесах!»

Была Дарья младшим ребёнком в семье. Старший брат, Григорий, погиб на фронте, а сестра, Мария, умерла ещё до рождения Дарья в голодный год. В родном селе свела судьба Дарью с Алексеем. Родители были у него из кержаков-старобрядцев. Жили они в таёжном поселении. В тридцатых годах Петра Агаповича, отца Алексея, арестовали, и пропал он навсегда, а Ульяна Перфильевна с маленьким сыном обосновалась в Леднёво. Работала в колхозе, но с людьми почти не разговаривала, да и леднёвцы считали её немного странной.

Дарья Ивановна проводила в мир иной много людей, но самым большим горем в её жизни были две потери. Сначала смерть любимого мужа – Алексея Петровича. Кто мог подумать, что крепкий сибирский мужик умрёт в одночасье: вдруг схватился за сердце, качнулся, что-то хотел сказать, тяжело задышал и упал. Случилось это четырнадцать лет назад возле сарая. Отправился вечером управляться, но не дошёл. Алексей Петрович построил дом – брёвнышко к брёвнышку, двух коров держал, рыбачил, охотником был. Любил реку, без Енисея жить не мог. Бывало, встанет рано утром и первым делом открывает окно, смотрит, любитесь далёким скалистым берегом да водой, сверкающей на солнце. Здесь прошла вся его жизнь, здесь он и покоится. Здесь почивает в земле сын Володя...

Смерть Володи – в тридцать пять, такая неожиданная, страшная, поверить в неё было невозможно. Весь в отца был их единственный сын – молчаливый, добрый и честный. Работал за троих, помогал матери. С годами перенял Володя отцовскую привычку – подолгу глядел на могучую реку. Без надобности слова не говорит, а задумается – и вовсе уйдёт в себя. Ну и как же без рыбалки? В детстве ещё наловит окуня удочкой с берега и бежит к дому, сбивчиво крича: «Мам, тять, я рыбу несу, кормить вас буду!»

Работал Володя на заготовке леса, на базе треста «Трансплавлес». Много они древесины сплавливали. Беда случилась десять лет назад. Начальству доложили, что полез Колобов в воду, чтобы бревно поправить, а его другим ударило. Бабка Дарья не верила словам людей, считала, что «химики» (так называли бывших уголовников) тюкнули его по голове да в воду бросили. В трест частенько присылали условно-освобождённых из колонии, когда не хватало рабочих рук. Держали их отдельно, но оградить простых рабочих от бывших зеков не получалось, трудились все вместе. Володя не любил пришлых бездельников и халтурщиков, мог

случиться конфликт. Поговаривали сначала, что видели каких-то двоих мужчин, бегущих от реки, видно, они это и были – убийцы. Хоронили сына Дарьи с повязкой на голове. Приезжий медэксперт выдал заключение: «Черепно-мозговая травма, следов насильственного воздействия не обнаружено...» Дело возбуждать не стали, списали на несчастный случай.

Осталась семья у Володи – Танечка, дочка двенадцати лет, и жена Валентина. Недолго после этого они прожили в Леднёво. Уехали в Красноярск – и связь потерялась.

Вместе с хозяйкой постарела и Маня. Кошка была огромной, да шустрой, но в последнее время изменилась – целыми днями лежала на подоконнике, стала вялой. Шутка ли, тринадцатый год пошёл подруженьке! Серая с грудкой молочного цвета, белыми лапками, будто снежными сапожками, кошка-любимица превратилась в старую мурлыку, от которой толку, как от потрепанного временем советского червонца, – одни воспоминания. Приплод Маня не приносила давно.

Раньше-то Маруня зря молоко не пила, получая свою миску от хозяйки исправно. Поймает мышку – Дарья кинет мелкую рыбёшку, а если крысу словит – бабка расщедрится, даст рыбину покрупнее.

– Держи, красotka! Выписываю благодарность тебе! – приговаривала Дарья Ивановна. После этого Манька долго ходила, тёрлась о ноги женщины, выманивая ещё чего. А случалось, что и попадало серой довольной морде: бабка Дарья, бывало, запнётся об неё, и летит потом кошка с крыльца от пинка рассерженной хозяйки. Приходила Маруня через пару дней, нагулявшись, и катилась совместная жизнь двух одиночек дальше, со всеми радостями и неурядицами.

Однажды поздней осенью копошилась бабка Дарья в огороде. Манька с чем-то увлечённо играла, пока хозяйка перекатывала срубленные кочаны капусты. Приметила Дарья длинную тесёмку, извалянную в грязи, а на конце – треугольник.

– Эй, Марья! – заинтересовалась старушка предметом. – Ну-ка, чем ты там играишша?

Это была лестовка, что досталась бабке Дарье от матери Алексея. Изображённые на ней цветы оказались отгрызенными. Дарья разъярилась, замахнулась тяжёлой лопатой с комьями прилипшей земли и ударила свою Маньку. Помчалась преступница как ошпаренная через соседские огороды. Долго она не приходила домой. Старушка винила себя в том, что оставила приоткрытым нижний ящик комода.

– Я-то дура стара... расхлябенила яшшики-то, вот Марья и вытащила чётки для моления! Поделом мне, нерадивой! – причитала Дарья Ивановна.

Выпал снег, наступили морозы, а кошка всё не возвращалась.

– Видать, перебила я хребет своей Марье, издохла, поди... – со слезами на глазах говорила старушка.

Вернулась кошка на святки. Исхудала, сапожки на лапках посерели. Дарья от радости хотела дать своей подружке мяса, да одумалась: не погубить бы животное.

Любимое место в доме было у кошки. Сидела она возле герани, сложив лапки под себя, грелась на солнце у окна. Бывало, начнёт нюхать стебелёк душистого цветка, куснёт, ломает его и чихает потом. Надышалась, значит...

– Ах ты, нечиста сила! – возмущалась бабка Дарья, вышвыривая на улицу свою Маньку. – Чё ж ты натворила, пакостница! От прогону тебя насовсем и в дом

не пушшу! Дома можно и с мышкой прожить, без вредительницы с лапишками загребушшими!

Но Дарья Ивановна сердилась на свою белогрудую подружку недолго, заду-мывалась потом: «Дак ить чаво злиться мне на её! Так хоть словом оммолвиться есь с кем, а выгоню – совсем волком вой!»

Бабка Дарья часто ходила на почту, спрашивала, нет ли письма из Красноярска – Дарья Ивановна, я вам принесу письмо, не беспокойтесь! – пыталась подбодрить Колобову почтальон – кудрявая, уже немолодая, полная женщина. – Мы же договорились! Никуда ваша Валентина не денется, напишет!

– Как же не беспокоиться-то, душа вся извелась: стоко лет ни весточки, ни письма! Оставили бы хоть адрес, съездила бы глянуть одним глазом Танюшку – и домой, помирать.

Без сил возвращалась Дарья с почты. Садилась возле окна, рядом с кошкой, долго смотрела на дорогу к реке. Может, появятся родные девчатки, поднимутся на пригорок? Привезёт их паром из Кривляка – посёлка на другом берегу, где есть вертолётная площадка. Так и представлялись они: Танюшка ростом выше матери, а Валентина всё та же – немного полненькая, русые волосы в шишку собраны, сама в джинсах и футболке.

Сердце бабки Дарьи сжималось, когда она видела фотографию в рамочке на стене. Там Валя, маленькая внучка и сын сидели улыбочивые, весёлые. Снимок выцвел от времени. Невольно капали слёзы, и старушка начинала шептать: «Мои вы хорошие, ненаглядные... Володенька, сыночек мой, радость моя! Как тяжко мне без тебя, сердце вырваться из груди хочет. Единственный мой! Не спасла я твоих братьев-близнецов! Родила их, да померли оне через сутки. Натворили чё-то врачи, да не созналися ить, списали на тяжёлы роды. После близнецов бог долго детей не давал. Потому так сильно мы с отцом любили тебя, Вованька, да не уберегли от лихих людей... Одна я осталася. Лучше бы меня прибрал господь следом... Зачем мне така доля? Валентина нос не кажет. Горько ей, понимаю! Всем горько! Не злюся я на её, не осуждаю! Ох, беда...»

Манька начинала мурлыкать, лизать хозяйке жилистые руки, привыкшие к тяжёлой работе. Нежностью отвечала хозяйка: плакала и гладила свою старую подруженьку.

– Ничё, Марья! Всё образуется у нас с тобой! – всхлипывая, говорила бабка Дарья. – Всё перемелется – мука будет! Судьба така у нас – сидеть так от у окна да на дорогу смотреть. Може, появится хто на ей... Валентина с Танюшкой приедут, я чувствую!

Бывало, нарыдается, возьмёт тряпку, встанет на шаткий стул, с трепетом снимет фотографию, смахнёт пыль со стекла – и сядет, любуется. Потом поставит рамочку на комод да забудет повесить обратно на стену. Так и прописалась фотография на комод окончательно. Связала бабка Дарья под неё кружевную салфетку. Теперь ходила хозяйка по дому да на снимок поглядывала, иногда бережно касаясь рамки...

Как поженились Володя с Валей, стали жить у Колобовых. Дом просторный, места хватало. Валя окончила бухгалтерские курсы в Енисейске и устроилась в поселковый совет. До замужества жила Валентина с воспитавшей её родной тёт-

кой – прижимистой и нелюдимой женщиной. Дом у Светланы Викторовны (так звали родственницу снохи – Стрельцову) был скромный. Жила тётка одиноко. Муж давным-давно погиб – в восемьдесят третьем году. Работал он электриком в посёлке, как-то залез под напряжение...

Мать и отец Вали оставили дочь в раннем детстве, попросту бросили. Попросили Светлану присмотреть, а сами подались на север, по Енисею. Всё искали лёгких денег, за работу не держались, любили выпить. Уехали и пропали, словно и не было их никогда.

В семье Колобовых относились к Валентине хорошо. Она могла поругаться с Володей, но Дарья Ивановна всегда была на стороне снохи. Бывало, сын позволял себе лишнего: управляют в сарае с отцом, там же и бутылочка припрятана. Уйдут, глядишь, через час возвращаются уже навеселе. Дарья с Валентиной встречать их выходили на крыльцо.

– Ну чё, вижу, управились? – начинала говорить Дарья Ивановна. – Чего глазёнки-то блестят, а?

– Можно ради выходного дня! – бойко отвечал отец. – Чего уставились?

– Ничего! – возмущалась Валя. – Что вы спаиваете мне мужа?

– Да ты сдурела чё ли? Я спаиваю родного сына! Опомнись, девонька! – ставил Алексей Петрович на место сноху. – Мужская дружба и солидарность – вот чё во-первых!

– От и пусть будет солидарность дома, после байни! – заступалась Дарья за сноху. – Какого чёрта по сараям шлындать?!

Жили они неплохо. Всё было: и радости, и печали. Но неожиданно вся жизнь полетела кувырком. Тётку Стрельчиху разбил паралич. Валя ухаживала за ней, выматывалась страшно. Готовила, оставляла обед, а сама бежала на работу – в администрацию посёлка. Вечером приходила, перестилала постель, стирала и скорее бежала домой. Так крутилась она года полтора.

– Скорейча бы её бог забрал! – говорила Дарья, глядя на уставшую и нервную сноху.

– Не говорите так, не берите грех на душу! – возражала ей Валентина.

– Хоть говори, хоть нет, всё одно – все страдаем с ей.

Дарья старалась помочь снохе: иногда ходила к больной, меняла ей бельё.

Когда отмучилась Стрельчиха, Валентина переживала её уход так, будто случилось это нежданно-негаданно.

Не успело одно горе забыться, как внезапно умер Алексей Петрович. Тогда Дарья Ивановна впала в беспамятство. Думали, тронется умом. Все это время рядом с хозяйкой сидела кошка, не отходя ни на минуту.

После смерти тётки хотела Валентина перейти в её небольшую избёнку, но Володя наотрез отказался. Он мечтал построить дом своими руками. Но две хозяйки под одной крышей – два явных или тайных недовольства. Дарья Ивановна не скажет ни слова, а переставит ведро, как ей надо, сама тесто замесит, шаль уберёт в другой шкаф, Валентина же думает, что свекрови не нравится, как сноха ведёт домашнее хозяйство. И Валя говорила мужу:

– Опять я не угодила твоей маме.

– Почему? – не понимал Володя. – Не слышал, чтобы вы когда ругались.

– Ой, Вова! Давай перейдём в дом тётки! – обнимала Валентина своего мужа, тяжело вздыхая. – Не так заправляю постель, не так управляюсь со скотиной... Устала я, хочу сама быть хозяйкой!

Но гибель Володи сблизила Дарью и Валентину. У Дарьи Ивановны отказали тогда ноги, долго не могла ходить. Кошка устраивалась на больные места, мурлыкала, жмуря глаза, и так часами. Валентина спросит, не тяжело ли держать Маньку, и скинет её с ног, а кошка выждет момент и снова тут как тут. Свернётся клубочком и спит.

Валентина не бросила свекровь, вместе боролись с недугом: летали в Енисейск и даже в Красноярск на консультации врачей. Понемногу утихала боль. Силы возвращались. Помаленьку ноги стали слушаться.

Когда начали сокращать конторских работников, а глава поселковой администрации удрал не то в Ярцево (соседний крупный посёлок), не то в Енисейск, Валентина и засобиралась в Красноярск, а однажды решила окончательно.

– Не могу я больше! Вот-вот сократят меня! Куда я пойду? Дело даже не в работе, прожила бы и на домашнем хозяйстве. Память меня душит. Снится мне Володя! Каждый предмет напоминает мне о нём. Открою шкаф – рубашки его висят, подвину к столу стул – он ремонтировал. Выйду на улицу – тётки Светы дом вижу. Не могу, не могу больше! – только и сказала она бабке Дарье.

Собрала вещи, взяла Танюшку, и ушли они по дорожке, ведущей к пристани. До причала провожала их Манька.

А Дарья Ивановна смотрела им вслед, плакала...

Долго ещё мяукала кошка, ходила по углам, искала домочадцев. Особенно привыкла Манька к Танюше: за куклу была у девочки, вместе спала та со своей любимицей.

Манька появилась в доме, когда Танечке было лет девять. Володя был на работе, услышал на зимнем складе жалобный писк у одного из штабелей соснового кругляка, едва смог достать между брёвнами серого пушистика, сунул за пазуху и притащил домой.

Бабка Дарья сначала поглядывала на кошку искоса и скептически говорила, наблюдая, как сын ухаживает за белогрудым заморышем:

– Не выживет она!

– Занятие будет для Танюшки, – успокаивал Володя недовольную мать.

Приметила раз Дарья Ивановна, с какой нежностью внучка играет с котёнком.

– Ладно, може, мышей будет ловить! – смирилась хозяйка. Погладила она кошечку, а та замурлыкала в ответ, так и получила свою кличку – Муруся-Маруся.

Когда дом опустел, в душу бабки Дарьи проникло одиночество. Летом занятий много, горевать о прошлом некогда: хочешь ягоды собирай, хочешь – грибы, на рыбалку отправиться можно. А вот зимой...

Нет теперь рядом ни семьи большой, ни радио, и пельмени лепить больше не для кого. Телевизор показывает, вышку даже установили, чтобы программы лучше передавались, а с электричеством беда. Дают свет утром, с восьми до двенадцати, и вечером – с шести до десяти. Вот и стараются люди управиться: коров подоить, молоко прогнать через сепаратор, пока свет есть. Вечером посёлок погружается во тьму. Одни собаки лают, на улице ни души.

II

Повадились какие-то люди на деревню налёты устраивать. Никогда такого безобразия не было, даже в девяностые годы. Только выключат свет, из тайги появляются тёмные фигуры – человек пять. Подбегают к дому, подпирают двери, а сами к сараю и начинают коров резать. Такой шум стоит: собаки с цепи рвутся, скот ревёт, а жители нос не кажут на улицу. И чем могла помочь местная полиция? Один участковый! Раньше своё отделение было, машина УАЗ на ходу. Пусть вечно не было бензина и ездить было некуда, зато леднёвцы знали, что в посёлке порядок. Теперь же напади на дом полицейского, запри его хорошенько, и не сделает он ничего. Наряд не вызовешь: рация не возьмёт, телефонов в деревне нет, сотовых тоже. Ближайший посёлок, Кривляк, на другой стороне Енисея.

Такой страх напал на бабку Дарью, что тяжело ей стало ночами оставаться в родном доме. Перед налётом и кошка становилась сама не своя – будто чужая что-то недоброе. Манька всюду лезла, доставляла много хлопот хозяйке.

Как-то Дарья Ивановна сидела на кухне, перебирала вываленную на пол из мешка картошку. Не успела она закончить, как раздался грохот. Кошка выскочила из зала на кухню и забралась к самому потолку по занавеске. Старая цветастая шторка оборвалась, и Манька рухнула на пол, потом удрала за печку.

– Ох, гадина-то, спасу нет от её! – завелась бабка Дарья. – Не хватало ещё скачек! Опять ить чё-то натворила, вот и носится!

Хозяйка зашла в зал, огляделась. Всё стояло на месте: цветы на подоконнике, ящики комода задвинуты. Вдруг Колобова обомлела: под паласом кто-то двигался. Старушка вскрикнула, а чудовище под ковром замерло. Схватила хозяйка стул и уронила его на чудо-юдо, а оно вдруг заторопилось урывками. Перепуганная Дарья Ивановна опроретью – откуда у старой прыть-то взялась – выбежала во двор. Наделала старуха шуму, вызвала соседа Колю Ерохина. Неведомым существом оказалась Манька. Она залезла под палас в погоне за мышью.

Во время очередного налёта бабка Дарья проснулась от сильного шума, мычала корова. Кто-то бегал по деревне, слышались голоса. Старушка, закрывшись на щеколду, спряталась под одеяло да прихватила с собой кошку. Манька спокойно лежать не хотела. Она норовила вырваться из-под одеяла и кусала руки хозяйки.

– Чё ты шаперишша, дура! Шшас воры зайдут! Кто это на улице творит чё? Ты тут яшшо... И так от страху чуть не померла, – сердилась Дарья Ивановна.

Утром приехал следователь – пузатый, небольшого роста мужчина. Ходили они с участковым, опрашивали – всё впустую.

Через два месяца, тёмной дождливой ночью, случился следующий налёт. В этот раз на стариков Усольцевых, которые держали двух свиней, были у них куры. Птицу налётчики не тронули, а поросят освежевали прямо в сарае. Хозяин Андрей Павлович рассвирепел, вылез через окно и хотел помешать преступникам, но старика отмутили и сломали руку металлическим прутом. Избитый Усольцев видел, как частями выносят окровавленные туши животных, но он был обездвижен нестерпимой болью, а утром чуть не помер от сердечного приступа.

Каких только пересудов не понеслось по деревне! Говорили, что среди налётчиков есть местные, что разбойники действовали по наводке: ни один чужак не может знать, кто держит в Леднёво скотину.

Последние-то годы Дарья Ивановна почти не общалась с односельчанами. Что-то надломилось в её душе. По любому событию в посёлке раздувались сплетни. Вот и после смерти Алексея Петровича злые языки твердили, что Колобов мучился со своей семьёй, будто не давали ему отдохнуть. Когда умер Володя, говорили, что убили его во время попойки и трезвым он почти не бывал. Другие болтали, будто купаться он пьяным полез. Из-за недобрых разговоров бабка Дарья замкнулась и ушла в себя. Но общая беда сблизила людей, и Дарья Ивановна решила ходить ночевать к соседке – Надежде Сухановой.

Восьмидесятилетняя соседка Надежда жила одна. Муж умер пару лет назад, дети разъехались. Суханова первая предложила Дарье беспокойные ночи коротать вместе. Единственный сарай Надежды пустовал уже лет пять.

– Вдвоём-то лучше пережить невзгоды! – сказала бабка Дарья, когда пришла на ночь к соседке.

– Ты не боишься дом оставлять? А то пошли к тебе. Кака разница, где прятаться.

– Дома Манька осталась, – ответила Дарья. – Не хотела меня отпускать: крутится меж ногами, едва не запнулась о её...

– Да ить кошки-то всё чисто понимают, чувствуют оне... – поддерживала разговор Надежда.

– Понимают, только больно пакостлива стала Марья моя! Нонче завела тесто, хотела пирожков постряпать, а эта выдра устроила мне кардабалет: залезла на стол и давай в муке валяться! От чё с ей делать?

– Гони, чё яшшо-то!

– Дак ить жалко...

– Тада терпи...

– Много мы с ей вместе пережили. Родней её у меня никого.

– Батюшки святы! Ты, Дарья, прямо как о человеке говоришь – не о кошке вроде! – недоумевала соседка.

– А чё, так оно и есь! – доказывала Дарья. – Спит со мной. Ляжет в ногах, прогреется, свернётся в калачик. Ночью проснусь, а Манька моя уже почитай на подушке. Того гляди, навернётся на пол – крутится. Боязно за её.

– Тьфу! – брезгливо глянула соседка. – От тожа, показывают иной раз по телевизору, как целуют городские своих кошек да собак. Пакось одна! Как с ума посходили! А одна дура, не помню, где это было, вашше замуж вышла не то за kota, не то за кобеля. Это чё за глупось, чё за дурман в бошках у людей?

– Это-то не сравнивай! – возмутилась Дарья. – Пойми, есь ласка к животному, а есь глупось! Одно – от сердца, а друго – от чертей! Есь разница-то?

– Не знаю! По мне, так всё едино! Коромысло – оно и есь коромысло, как его не крути!

– Да гляди сама: проснулась я как-то ночью, а Маруня-то поперёк койки вытянулась – кишка-кишкой! Чую, сползат! Яшшо секунда – и нырнёт моя Марья-прекрасна! Я её хватя за лапы тока, а у ей дыханье-то пропало и сердчишко – того гляди выпрыгнет и кубарем покатится! Я её обратно-то затянула, глажу её. Слышу, сердце спокойнее застучало. Вздохнула она. Да так громко, будто самовар скипел! От оно чё! А ты говоришь – коромысло... Давеча пошла в магазин. Иду обратно, а Манька уже дожидатся меня. Сидит на подоконнике подле герани, а сапожки на лапках беленьки, хорошеньки! Гляжу на её, а душа так и воспарила у меня! Я

сумки прямо на землю – и к окошку. Она в доме, я на улице. Любуемся друг на дружку. Сразу вспомнила сыночка! Так ить он жа притащил кошку-то. Одна таперича память о Володеньке моём осталась – Маруня. Остальны в городе где-то живут. Ходют в эти, как их... супрерамкеты... или как их...

– Не знаю! – махнула рукой Надежда. – Напридумали всякой дьявольщины! Чё в ей хорошего?! Был гастроном, хлебный, молошный, нет ить!.. Надо как у этих... оглоедов... за акияном-то!

– Всё хочу купить своей Маньке этот, как жа... – Дарья задумалась. – Консервато... рекламируют всё для кошек. Название больно нерусское – «Вескес» или «Векис»...

– «Виски» вроде, а можа, «Вески»... Как её, всё пела, мордаста така... Ани Вески, – соседка широко развела руками.

– Да я ж не про артистов – о корме рассказываю! От говорят, по ему оне с ума сходят. Кошки-то. Лакомство для их. Порадовать ба мою Марью разок!

– И ты туда жа! – возмутилась Надежда. – Приучишь, потом не слезет с тебя, пока не накормишь «Векисом». Посворотили вам бошки телевизором этим, туману напустили! Жуёте вместе с кошками наравне консервы заграничны, а ума как у оглобли: стукнешь по черепушке – пусто место!

– У нас и так его нет, где ей возьму «Вескиса» этого, – прекратила спор Дарья.

Как только погас в деревне свет, Надежда зажгла керосинку. Старухи затопили печь, поставили чайник. Суханова достала припасённые с лета смородиновые листья. Чай получился душистым. Соседка налила в небольшую тарелку клюквенного варенья.

За окном разбушевался ветер. Ветка берёзы начала громко стучать по крыше.

– Скоко раз просила Колю Ерохина: залезь, спили ты мне её!

– У Коли, поди, своих дел уйма! И огород, и хозяйство, и семья – шутка ли? Да ещё работает на лесосплаве.

– Ну, и то верно! Так жисть и проходит: крутишша с утра до ночи, от и старость.

Когда жить? Пора с ярманки ехать...

В печке потрескивали дрова. Дом наполнился уютом и теплом.

– От чё делать? – недоумевала Дарья. – Вроде и спать рано, и делать неча!

Постелила Надежда свежую постель для гостыи на кровати мужа. Дарья улеглась и вспомнила, что не прочитала, как всегда это было по вечерам, «Отче наш». Бабка Дарья обычно молилась, перебирая лестовку, потрёпанную Манькой. Не заметила Колобова в доме Надежды ни одной иконы, а спросить постеснялась.

Долго ворочалась она. Старая панцирная кровать казалась неудобной – сильно проваливалась. Едва шевелилась гостыя, скрип обрывал тишину. За окном бесился ветер, ветка назойливо постукивала по шиферу.

– Не спится? – проговорила сонным голосом Надежда.

– Покоя нет на душе, – ответила глуховатым голосом Дарья.

– Кому жа надо грабить нас, стариков?

– Дак ить было бы чё брать!

Не заметила Дарья Ивановна, как сморил её сон. Приснилось старушке, будто плывёт она на старой лодке. Куда нужно было попасть ей, не знает. Гребёт тяжёлыми вёслами и вдруг видит на берегу Алексея и Володю. У сына на плече Манька важно облизывается, будто только съела свежего карасика. Дарья хотела

возмутиться, собиралась крикнуть кошке что-то вроде: «Куды забралась, Манька! А ну, нечиста сила!» – но не смогла, в горле ком застрял. Держались мужчины прямо, словно солдаты. И тут Манька неожиданно сиганула в реку. Дарья перепугалась, бросила вёсла...

– Ты слыхала? – испуганный голос Надежды внезапно разбудил Колобову. Сердце бабки Дарьи готово было выскочить из груди.

– Кто-то бегат под окнами! Погодь, я ружьё припрятала! От мужа осталось... – Надежда достала из плательного шкафа двустволку. – У меня и патроны есь... Може, пульнуть разок, для остратки? Только я не стреляла сроду.

– Господь с тобой! – проговорила Дарья дрожащим голосом. – Вдруг наши, деревенские, ходют!

В окно постучали. Надежда, крадучись, подошла.

– Тьфу ты! Зараза!

– Кто это там? – недоумевала Колобова.

– О Коле говорили... Лёгок на помине!

– Чё ему надо в позднее время! – недовольно буркнула бабка Дарья, глядя, как Надежда накинула на себя старую, с вываливающейся ватой, фуфайку.

На дворе по-зимнему гулял ледяной, пронизывающий ветер, терзал душу своей заунывной песней. Где-то вдалеке стучал наполовину оторвавшийся кусок жести, видно, готов был лететь с крыши.

Дарья решила выйти на улицу вместе с Надеждой, прихватив керосиновую лампу.

– Чё ломишша-то как ошалелый! – накинулась Дарья на соседа из-за спины Сухановой.

– Я думал, вы ещё не спите, – запыхавшись, говорил Коля. Тёмно-зелёная куртка на нём была расстёгнута, Ерохин вспотел. – Хотели разбой опять устроить... Мы, как услышали грохот, все собрались, взяли ружья... Облаву устроили!

– Кто это «мы»? Ничё не пойму! – спросила Дарья.

– Мужики леднёвские, – торопливо ответил Коля, собираясь бежать дальше. – Постучал к вам – думал, может, видели кого. Шуганули мы эту сволочь здорово!

Бабка Дарья и Надежда погасили свет. Керосинку оставили в кухне.

– Как я, дура, Маньку оставила одну! – ругала саму себя Дарья. Она переживала за кошку, чувствовала, что и Марье сейчас неспокойно.

Не до сна было старушкам. Они пытались разговоривать, но беседа не клеилась. Огонь в печи угас, изредка потрескивали угольки.

– Пойти, дров занести, – сонно проговорила Суханова. – К утру совсем выстудит...

Дрова притащили из сеней вместе, вместе развели огонь в остывающей печи. Поставили чайник. На душе повеселело. Хотела Колобова сходить домой, да так и не решилась – боялась выйти на улицу. Ружьё у Надежды стояло рядом с кроватью, наготове. Достала соседка несколько патронов, попыталась зарядить, но ничего не получилось. Старушки взволнованно поглядывали в тёмное окно, прислушивались к шорохам на улице. Уснули они под утро.

Ветер стих. Ближе к рассвету выпал снежок. Он едва покрыл холодную землю. Льда на реке ещё не было, но вода была плотной и вязкой. Во влажном воздухе кружили редкие белые пушинки. С реки доносилось едва уловимое тарыхтение

мотора. Бабка Дарья осторожно открыла дверь, будто боялась спугнуть неведомого лешего или зверька. Под ногами похрустывал первый снег. Небо было затянуто белой пеленой.

– Дарья, с тобой сходить? – спросила Надежда, выглядывая за соседкой на улицу.

– Дак пошли, еси хочешь... – негромко отозвалась невыспавшаяся Дарья.

Суханова натянула на ноги подшитые катанки и принялась догонять соседку.

– Таперича посидим у тебя, – бодро проговорила Надежда.

– Так и будем ходить друг к дружке...

Едва вошла бабка Дарья в избу, чуть не обомлела: цветок герани лежал на полу, фарфоровый горшок разбился, земля рассыпалась, оконная занавеска была оборвана.

– Ах ты, стерва проклятушша! – разозлилась Дарья и принялась искать Маньку.

– Говорю те, гнать её надо! Жаа-алко всё ей! – подлила масла в огонь Надежда.

На полу в комнате лежал утюг, оставленный на комод. Рядом с утюгом валялась рамка с разбитым стеклом и фотографией сына.

– Чё ж ты наделала, гадина этака! – Дарья бросилась собирать осколки. – Володюшку моего разбила, пакостница!

От досады, от обиды ли бабка Дарья принялась плакать навзрыд. Надежда попыталась успокоить соседку:

– Ну чё ты, рази можно так убиваться.

– Это ж память о ём! О сыне! Когда таперича встретимся-то! Хотя, може, и скоро уже! Сил моих нет на энтот свете маяться...

Долго ещё рыдала Колобова. Соседка принесла каких-то вонючих капель.

– На от, – Надежда подала рюмочку, – «Валокордин», кажись.

– Утоплю её, змеюку! – в сердцах говорила Дарья, озираясь по углам.

Маньки нигде не было. Спряталась, как частенько бывало, за печку.

– Дак больше ей дозволяй! Пусь на бошку те усядется! А чё! – Надежда говорила, что думала. Крутой характер был у Надежды. Бывало, как начнёт разносить, – спасу нет. Но срывалась всегда по делу.

– Она мне и календарь изодрала! – сквозь слёзы причитала Дарья. – Перед Новым годом завезли календари отрывные. Обрадовалась я. Раньше любила их читать: половицы там, приметы. Купила, а он ей помешал! Повесила я его подле окна. Дак она лапой достала! На пол уронила и изорвала в клочья! Оне жа таперь редкость – отрывные-то!

– Мало, значит, неприятностей!

– Да не со зла она энто всё, – вдруг начала заступаться бабка Дарья за свою подружку. – Кошка есь кошка!

– Да мне-то како дело! – махнула рукой соседка. – Сиди с ей дальше...

Надежда ушла домой, нервно хлопнув дверью. Колобова заглянула за печку – вот она, царевна, сидит! Манькины глаза горели в темноте как два огонька.

– А ну, выметайся из дому! – гаркнула Дарья на кошку и пошла к соседу, Коле Ерохину. Как увидела Манька, что хозяйка собирается уходить, сразу рванула за ней. Животное пугалось под ногами, кружило вокруг Колобовой, будто понимало: что-то недоброе произойдёт, но бабка Дарья лишь сердито поглядывала на шквонницу, как бы говоря: «Ничё, подожди, я тебе задам!»

III

В деревне была радость: местные мужчины вместе с участковым поймали налётчиков и без единого выстрела сдали их полиции. Ночью банда закрыла деда Петрушевича в доме. Жил он один, держал корову. Ухаживал за своей кормилицей, летом перекрыл крышу в сарае. Правда, не сам: нанимал людей, силы были у него не те, что прежде. Сильно переживал Петрушевич, когда начали в деревне орудовать бандиты: потерял сон, даже принялся дежурить в сарае. Этой ночью от усталости ли, от бессонницы ли дед словно отключился. Проснулся от дикого рёва своей бурёнки. На шум подоспели соседи, старик Перегудов и Коля Ерохин, потом сбежалось ещё человек семь. Леднёвцы взяли с собой ружья, вилы, топоры, для освещения – фонари, керосинки. Кто-то даже сделал факел – обмотал черенок от лопаты тряпкой, облил бензином и поджёг. Банда бросилась наутёк в тайгу. Должны они были выйти к берегу Енисея. Деревенские разделились: одни двинулись вдоль берега вправо от Леднёво, другие – влево. В километре от деревни оказался катер. Здесь и встретили люди преступников. Двое хотели убежать, да поняли, что далеко не уйти: на сотни километров ни души.

Как оказалось, налётчики мясо сдавали. Договорились с одним хапугой на рынке, в Красноярске, и принялись грабить по деревням. Кое-кто из них одно время жил в Леднёво. Был этот человек из бывших заключённых. Звали его Крючком. Ходил согнувшись. То ли болела спина, то ли сам по себе горбатый. Работал на лесосплаве, а когда освободился – остался в Леднёво. Крючка в селе не приняли: повадился он по огородам шастать, подворовывать. Тогда-то участковый ему и сказал, чтобы собирался Крючок да топал подобра-поздорову, пока опять не посадили. Вот и затаил он, видно, обиду на жителей...

Бандиты оказались из посёлка Ярцево. Резали скот в ближайших деревнях. Возили мясо на катере. Краденое переправляли вертолётom в Красноярск.

Коля Ерохин был слегка под градусом. В доме уже стоял дух деревенской пирушки. Отмечалась поимка бандитов. Пришли к нему мужики: старик Перегудов, Скворцов да ещё человека три. Жена наварила картошки, достала из погреба недавно засолённой капусты.

- Я ить не вовремя! – проворчала Дарья Ивановна, зайдя к Ерохину в дом.
- Что стряслось? – Коля смотрел на Колобову рассеянным, хмельным взглядом.
- Дак это... кошку свою не могу прогнать! Она мне каждый день беду в дом приносит! Посуду лупит, в муке валяется, давеча так напугала, под ковёр залезла – я едва не осрамилась. А сёдня, так вообще, свалила с комода фотографию в рамке! Устала я с ей! Ты бы вывез её в Кривляк, да там и оставил! Чё вот с ей делать?
- Осрамилась... – устало, с хрипотцой в голосе проговорил Коля. – Где она, подружка твоя?
- Кто, кошка?
- Нет, я! Подружка твоя!
- Под ногами крутилась, видать, в сених осталась...

Ерохин натянул на себя ватник, шапку-ушанку и сказал мужчинам, сидевшим за столом:

- Сейчас приду.

Только вышел сосед Колобовой в сени, как сразу заметил: сидит бабкина красotka, хозяйку ждёт! Снежные сапожки, белая мордочка...

– Ну что, подруга! Давно сидишь? – спросил Ерохин кошку.

– Чё она тебе ответит? – сердито проговорила Дарья Ивановна, поглядывая искоса на Маньку. – Натворила делов, сидит таперича! Пакостница и есь!

На побелевшей, покрытой первым снегом земле лежал мешок из-под картошки. Вспомнил о нём Ерохин случайно: запнулся о вздыбившуюся ткань.

– Ну что, сама полезешь в мешок, или как? – спросил Маньку подвыпивший сосед.

– Коля, ты в мешок-то её не сади, – засуетилась Дарья, жалостливо поглядывая на беззащитное животное, – отвези её так...

– Так... Не выйдет! – нервно, почти грубо ответил Коля, недовольный тем, что его отвлекли от общения.

«Вечные просьбы: перенеси, перевези, поставь, убери, да ещё в самый неподходящий момент!» – думал Ерохин, держа за шкуру соседскую кошку.

– Это почему жа... не выйдет-то? – назойливо спрашивала старуха.

– Почему, почему! По кочану! – едва не крикнул Коля, смотря на исцарапанные в кровь руки. – Что она тебе, добровольная каторжанка – на другой берег плыть?

– Ничё чё-то не поняла! Кака каторжанка? Каторжанка кака-то!

– Да ну в баню вас всех! – взорвался Ерохин. – У меня гостей полон дом, ты ещё со своей кошкой! Приспичило сейчас её переть!

– Бат-т-тюшки свет! Ить ничё не спреси, ни о чём не попроси... – с обидой заговорила Колобова. Она жалела Маньку, понимала, что обратного пути нет, и поэтому готова была сорваться на Колю.

– Батюшка в церкви! – огрызнулся Николай.

– Да на тебя управы нет! Обезумел! Много ли мы тебя просим, срамной! Раз в пятилетку, и то помочь не можешь!

Дарья схватила кошку. На себя досадовала бабка из-за необдуманной просьбы. Ерохин – мужик хороший, никогда не отказывал в помощи, но не могла Дарья Ивановна ему сказать: «Коля, ты меня извини! Я передумала избавляться от Маньки!»

Николай вдруг вспомнил, как истреблял птицу бабки Дарьи. Сколько наслушался тогда от старухи. То не так рубишь, то «чаво изгаляишша-то над имя, ить они жа мои помощницы были, ирод!», то «на тебе жа креста нет!»... Вдобавок кошка начала мстить: Коля выращивал цыплят, а Манька повадилась их таскать. Придавит, но не до конца, и несёт в зубах демонстративно под окнами. Хотел Ерохин сходить к бабке Дарье, пригрозить: не перестанет Манька пакостить – кошке несдобровать. Жена настаивала, чтобы Коля взял с Колобовой деньги. Однажды Николай решил пойти поговорить со старушкой, вышел, но на полдороге повернул. Подумал тогда: «Да я что, торгаш что ли? Ещё не хватало – брать со стариков деньги!» У Ерохина дома часто случались скандалы из-за цыплят.

– Попросила тада курям бошки поносить, а ты чё? – затронула Дарья острую тему, не зная о том. – Как давай с топором носиться! Вся деревня на ушах стояла, перья, поди, до самого Красноярска долетали! От людского хохота вся тайга тряслась!

– А ну деньги возвращай! – сам не свой от обиды и негодования, заговорил Ерохин. – Давай сюда свою ворюгу усатую!

Кошка извивалась в руках Николая, не желая лезть в мешок. Взгляды палача и жертвы встретились. Но отчаяние Маньки на Ерохина уже не действовало.

– Каки деньги я те должна? – Дарья поняла, что разозлила соседа.

– За цыплят и за работу!

– За каку работу? – начала робеть Колобова. Говорила она теперь тихо, без нажима.

– Курчат мне твоя кошка попередушила – раз! Думаешь, я забыл? Дрова колот – два! Птиц рубил – три! Огород весной вспахал – четыре! Вот и давай, – подумал сосед, – сорок тысяч!

– Дак и цен таких нет!

– Свинства тоже такого нет, какое встретил я! – Коля не мог остыть, хмель уже раззадоривал ретивое, и пощипывали царапины от кошачьих когтей. – За всё доброе, что я для тебя сделал, ты решила мне воздать претензиями!

– Манька одного, можа, цыплёнка придавила, а ты тут панихиду развёл!

– Десяток, не хочешь! – блстели глаза нетрезвого Николая.

– Да Манька у меня сроду не таскала птицу! – растерянно ответила старушка. – В огородах лазила, но и то по грядкам ходила...

– Вот это да-а! – удивился Коля. – Думаешь, если я не приходил к тебе разбираться насчёт цыплят, то их твоя кошка не трогала?

Дарья поняла, что сказала глупость. Вся деревня знала: кошка Колобовой заглядывала в соседский сарай. Вспыхнула досада в её душе. Сколько можно страдать из-за этой четвероногой проказницы! Не кошка – сплошное недоразумение! Ни у кого цыплят не таскала, и вот на тебе: одного принесла, второго. Дарья Ивановна ей пригрозила, сказала, что нельзя так делать, но ничего не помогло. Николай молчал, терпел, а тут... Да у Колобовой пенсия пятнадцать двести!

– Хотела избавиться от кошки – получай! – Ерохин туго завязал мешок и взвалил его на плечо.

– Коля! Куды её поташшил? Не надо, Коля! – Дарья Ивановна перепугалась, попыталась догнать Ерохина, но куда ей, старухе! Сосед зашагал к пристани. Манька пыталась вырваться: крутилась в мешке, жалобно мяукая.

На шум и громкие голоса вышла жена Николая, попыталась узнать у Колобовой, что произошло, но бабка Дарья заплакала и ушла домой, бессильно волоча ноги по первому, тонкому снегу.

Хотел Ерохин завести моторку, перевезти Маруську в Кривляк, да представил: дорога на другой берег займёт минут сорок и обратно столько же. Дома ждут друзья, картошка остывает, бутылка на столе стоит запотевшая, огурчики солёные нарезаны... На берегу реки ветрено, вода беспокойная...

Подумал Николай, прикинул: ну её к чёрту, мурлыку эту! Всю ночь не спали, рыскали по деревне да вдоль реки – искали налётчиков, продрогли. Но дело было не в усталости. Жгла его сердце обида. Выходило, будто Колобова не роптала на Маруню, а Коля всё придумал: и курят Манька не трогала, и Дарья Ивановна чиста перед Ерохиным. Правильно жена говорила Николаю: «Помогай-ка больше, добром не ответят соседи наши!»

Подошёл Ерохин к воде, спустил мешок с плеча и удивился: будто не Манька сидит там, а овчарка – такой огромной она показалась. Хорошенько размахнулся и швырнул подальше в Енисей. Хлюпнула чёрная, вязкая осенняя вода...

Домой вернулся Коля с беспокойной душой. Ерохин злился на самого себя: выходит, что утопил он Маньку, чтобы отомстить за цыплят.

Гости уже ушли. Жена убирала со стола. Не находил себе места Ерохин. Замахнул остатки водки, недопитой гостями, закусил капустой.

«Чёрт меня дёрнул связаться с бабкой! – думал Коля, хмуро глядя на пустую бутылку водки. – Пускай бы молола всякую чепуху! Нет, надо было грех на душу брать – топить эту... соседкину радость!»

– Что сидишь? – спросила жена, унося последнюю тарелку. – С бабкой Дарьей чего горлопанили на всю деревню? Удрал куда-то... Старуха в слезах ушла... Люди ждали тебя, ждали. Пригласил гостей – нечего шастать! Сиди с ними, коли позвал!

– Ладно, – нервно проговорил Николай. Он смотрел, потупившись, в одну точку.

«Всё ведь понимала животиная! – задумался Ерохин. – Ни у кого в Леднёво не трогала птицу, а моих цыплят давила! Подумать только, это она мне мстила, что я бабкиных кур порубил!»

На улице наступал вечер. Пролетал снежок. Коля выскочил из дома и направился к избе Колобовой. От разгорячённого Ерохина валил пар. Шёл Николай по деревне в накинутах на плечи ватнике. Жила бабка Дарья наискосок, совсем рядом.

– Виноват я перед тобой, Дарья Иванна! – начал объясняться Коля, едва старуха открыла ему дверь. – Утопил я твою кошку! Да чёрт бы с ней, но сделал я это, как последний подлец! Вспомнил, как птицу она таскала у меня из сарая. Отомстил вроде...

Нахлынуло раскаянье на Ерохина. От усталости или от выпитого – не мог Коля удержать слёз.

– Ой, не трави душу! Не плачь! Чё ж таперича делать, ладно! Дело сделано! – успокаивала соседа Дарья Ивановна. – Говорю тебе, перестань, а не то огрею чем-нибудь!

Колобова и сама начала всхлипывать, но взяв себя в руки, сказала настойчиво, с напором:

– Ну-ка прекрати сырость, леший! Грешно это! По человеку так не убиваются! Сколь матерей бросают, детей он на улицу выкидывают, а тут, гляди-ка!

Колобова стояла на крыльце и прижимала к груди фотографию с сыном и его семьёй. Выговаривала она не только Коле, хотела убедить себя, что плакать не стоит.

– Бат-т-тюшки святы! – вдруг начала креститься Дарья. – Дак чё тако делается-то!

Коля завертел головой, пытаясь рассмотреть в вечерних сумерках не то сказочную Жар-птицу, не то былинного молодца, а когда увидел, не поверил: от калитки в сторону крыльца медленно, урывками подползала чёрная мокрая тряпка. Жути нагоняли два сверкающих глаза на кошачьей морде.

– Во, блин! – Ерохин едва не свалился с крыльца. Он не мог понять, Манька ли это, или ему мерещится. Вскинул взгляд на старуху – Дарья Ивановна не переставая крестилась. – Я же её... в воду... в закрытом мешке! Никак воскресла!

– Матушка ты моя! – заговорила Дарья, хотела снять мешок с Маньки, но ткань успела примёрзнуть к кошачьей шерсти. – Не снять мне с её наряд!

Подскочил Ерохин и трясущимися от волнения руками принялся сдёргивать лохмотья.

– Скорее в тепло, скорее! – крикнул Коля, поднимая Маньку на крыльцо.

– От чё берётся откуда... – ворчала старуха.

– Прости ты меня, Дарья Иванна! – промолвил сосед, заходя в дом вслед за хозяйкой. – Я не со зла...

– Чё ты, Коля! Ишь, как жисть повернулась! К добру энто, к хорошей весточке! – бабка Дарья радостно обняла Ерохина.

– Подруженька моя! Скоко мы с тобой пережили! – приговаривала бабка Дарья, наглаживая Маньку. Старый мешок лежал грязной, дырявой тряпкой на полу. – Неужто не прошшу я разбитой рамки?

Бабка долго сушила страдалицу полотенцем, так и оставила её завернутой у печи. Кошка осторожно лизнула руку хозяйки. Не выдержала Дарья, слёзы стали капать на голову Маньки.

– Ты моя красotka! Виновата я перед тобой...

Подняла Колобова свою кошку и начала носить по дому на руках словно запелёнатого ребёнка...

Когда позже Дарья Ивановна прибиралась по дому, то нашла возле комода придушенную крысу. Поняла старушка, что произошло ночью.

Наступило белое, заснеженное утро. Всю ночь бушевала метель. Навалило снегу столько, что казалось, природа решила отыгаться за долгую, уже хорошенько всем надоевшую осень. Енисей покрылся первым хрупким ледком. Вдоль берега протянулась полынья, которая закроется, когда ударит сильный мороз. До этого времени связи с Кривляком не будет, а значит, не завезут в леднёвский магазин продукты, не будет и почты.

В окно Колобовой постучали. Дарья Ивановна подумала, что пришла соседка Надежда.

– Дарья Ивановна! Я ведь совсем позабыла! Два дня лежит письмо на почте. Завалилось оно за ячейку, – виновато сказала полненькая женщина. Перед Колобовой стояла почтальонша, держа конверт.

– Ой, спасибо тебе! Чуюло моё сердце, будут благие вести!

Почтальонша улыбнулась и зашагала по дороге.

Не терпелось бабке Дарье прочитать, что написано на конверте. Разволновалась, не могла отыскать очки. Решила пойти к Надежде: вдвоём читать будет легче, заодно и радостью поделиться.

Под ногами крутилась Манька. Едва не споткнулась бабка Дарья и хотела было по привычке толкнуть кошку ногой да выругаться, но не стала. Настродалась её Маруня.

– Гляди, Надежда! Пришло! – воскликнула Дарья, подавая дрожащей рукой письмо с марками, на которых были изображены футболисты с мячом и надпись: «Россия. Чемпионат мира 2018».

Суханова сдержанно приняла конверт и спросила:

– Да чё жа писанину чужу разбирать? Не мне жа! – Надежда, видимо, вспомнила свою резкость, как хлопнув дверью, ушла от Дарьи. Причина раздражения уже забылась, но Суханова решила держаться холодно. Но глаза Колобовой светились радостью, соседку удивила перемена настроения Дарьи, хотя больше всего, конечно, интересовало письмо.

Надежда села на лавку, стоящую в кухне. Пахло чесноком: варился обед.

– Вслух давай! – не могла дожидаться Дарья, когда начнут читать. – От Валентины жа?

– Да, от её...

Надежда носила очки привязанными шнурком к заушнику. Она долго приглядывалась – не могла разобрать почерк. Наклоняла голову, смотрела поверх очков.

– Чё ж так долго-то! Читай давай!

– Дак попробуй – разбери! Шибко криво написано!

– Сама ты криво!

Неровный, сильно наклоненный вправо почерк был трудно различим. Присмотревшись, Надежда начала сбивчиво, с паузами, читать:

«Здравствуйте, Дарья Ивановна! Приветствую тебя, милое Леднёво! Здесь родилась я, росла. Наверно, не узнаю теперь свою деревню-матушку: избёнки покосились, поди, соседи состарились, согнулись... Затерялась деревенька моя среди тайги, как я растворилась среди городской толпы, а сердце моё за сотни километров отсюда.

Долго не писала я Вам, Дарья Ивановна! Знаю, что тоскуете по нам. Жива ли ещё кошка? Маруня – как звали её всегда ласково, с душой...

О себе рассказывать тяжело потому, что ничего интересного в моей судьбе нет. Казалось, в городе будет легче. Думала, что работа ждёт, для Танюшки – учёба. Всё вроде бы так и есть. Доченька окончила школу, поступила в институт искусств. Хочет быть музыкантом, играет на пианино. Я говорила ей: разве музыка прокормит в жизни? А Таня мне: «Мама, не лезь!» Вот так, не могу я повлиять на неё, упрямую! Ведь как было раньше: скажешь дочери слово веское, родительское – она слушается. Теперь – всё! Вырос ребёнок! Вот уже и мама ей не указ!

Летят и мои годы! Остановить их невозможно... Иной раз думаю: может, оно и к лучшему, что выбирает Таня свой путь сама, ей жить на белом свете. Сейчас Татьяне двадцать два года, дружит с парнем. Серьёзный такой молодой человек. Учатся вместе, правда, он на скрипке занимается.

Как переехали в Красноярск, начали снимать квартиру. Устроиться бухгалтером я не смогла. Пришла в одну фирму, глянули на мои бумажки из поселковой конторы, знаете, брезгливо так полистали и сказали: «У вас ведь бухгалтерские курсы, да? Ну, сами поймите, ведь время не стоит на месте. У нас высокие требования, нужно знать компьютер, а у вас в Лопырёвке... простите, Леднёво, кажется так?.. У вас, наверно, ещё счётами пользуются...»

Пришлось мне стать продавцом. Познакомилась с женщиной, сошлись. Нужно дочери за учёбу платить, лезу из кожи вон, устроилась на вторую работу, ухаживаю за больной старушкой, а мужчина ничем не помогает. Завод закрыли, где он работал, ну и лежит на диване. Посмотрела я на такое счастье да сказала ему: «Либо ищи работу, либо уходи!» Он ушёл. Никто мне не нужен. Лучше жить одной, чем кормить нахлебника.

Скучаю я по родной своей сторонке, хочу приехать к Вам, Дарья Ивановна. Только всё жгут мне душу воспоминания о Володе. Но надо, надо пересилить боль. Дождёмся весны и приедем к Вам, хоть на недельку.

Низкий поклон родным могилам! Родной земле поклон, Енисею! Всем, кого знаю в деревне, привет!

P.S. Я никогда не называла Вас тёплым, светлым словом «мама», а теперь поняла, что была холодна к Вам. Разрешите сказать: живите долго, МАМА!

Бабка Дарья молча взяла письмо и вернулась домой. Нашла в шкафу старую шаль, повязала её поверх зелёного платка, достала свою добротную шубу. Так наряжалась Дарья нечасто, когда ходила на почту, в магазин, а ещё, когда выезжала в город. В Красноярске или Енисейске старушка не была давно, с тех пор, как лечила ноги в больнице. Шубу купил Алексей Петрович в середине восьмидесятых. Сохранилась она как новая...

Долго всматривалась Дарья Ивановна в родные лица на фотографии, а потом отправилась с Манькой на улицу. Пришли они к реке. Впереди была лишь заснеженная тайга, да виднелись домики Кривляка на другом берегу. Над печными трубами поднимался дым. Тишину прерывал далёкий лай собак.

– От и зима! Дождались... От чё! Слава те, Господи! – заговорила бабка Дарья, обращаясь не то к кошке, не то к себе. – Дожить ба таперича до весны. Увидеть только Валентину с Танюшкой и помирать можно! Скоко бед пережили, скоко радостей вместе с от энтой рекой! Не было печали, да скот резать начали по деревне гады! Справились с напастью всем миром, всей деревней... Дак от спокон веку русский человек и живёт: навалится скопом и выкручиватся, как может. Нет яму покою-то, всё рвёт пупок, всё норовит у камелька встать... Ой-ё-ёченьки мои! – тяжело перевела дух Дарья Ивановна. – Одно только нехорошо: вот помрём мы, старики, – кому останется энта от река, дым энтог печной? Кому он душу согрет, еси ниhto не будет жить здесь? То-то и оно! От чё!

Помолчала Дарья и добавила:

– Ничё, скоро Танюшка с Валюшкой приедут! Дай им, Господи, жизни толковой, да мира, да чтобы голова с сердцем в ладу меж собой жили. Рази како друго шшастье-то надо?! Одно богатство человеку нужно: чтобы дети были здоровы, стены были да крыша над головой, и чтоб было кого любить! А ты как думаешь, Маруня?

2019

